

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

Филологический факультет

На правах рукописи

КУЗНЕЦОВА Ариадна Ивановна

ПАРАМЕТРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЯВЛЕНИЙ В
ОБЛАСТИ МОРФЕМИКИ

(на материале русского языка)

Специальность 10.02.19 - общее языкознание,
социолингвистика, психолингвистика

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени доктора
филологических наук

МОСКВА
1988

Работа выполняется на кафедре общего, сравнительно-исторического и прикладного языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Официальные оппоненты :

доктор филологических наук Е.С.Кубрякова
доктор филологических наук В.Б.Касевич
доктор филологических наук И.Г.Милославский

Диссертация направлена на внешний отзыв в Ленинградский государственный университет имени А.А.Жданова,

Защита состоится " ____ " _____ 1988 г.

на заседании специализированного совета Д 053 05 16 при Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова.

Адрес : 119899, Москва, ГСП, В-234, Ленинские горы, МГУ им.М.В.Ломоносова, I-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке филологического факультета МГУ.

Автореферат разослан " ____ " _____ 1988 г.

Ученый секретарь
специализированного совета

А.А.Поликарпов

Тема структурирования языка на центр и периферию, а к т у а л ь н а я в настоящее время, привлекала к себе внимание лингвистов еще в 60-е годы, но до сих пор не получила своего окончательного разрешения. Данная работа посвящена обоснованию понятия языковой периферии и анализу периферийных явлений русской морфемики.

Принципиально новое решение поставленной проблемы связано с количественной оценкой понятия периферии, а сама идея структурирования языка на центр и периферию пересматривается с точки зрения параметрического подхода: при изучении морфемики проводится параметризация морфемы, выявляется роль отдельных параметров в описании морфемного строя русского языка, по каждому из взятых признаков устанавливается собственная периферия, а затем определяется возможная корреляция полученных однопризнаковых пространств, объединение их (в ряде случаев) в многопризнаковую периферию. Понятие языковой периферии, таким образом, впервые определяется с помощью многочисленных признаков (параметров) и получает четкую количественную характеристику.

Многоаспектные системные исследования должны строиться на непрерывно расширяющейся фактической базе, обработка которой является весьма трудоемким процессом, невольно заставляющим исследователя обращаться к использованию вычислительной техники. В области морфемики и словообразования достаточно широко применяется статистическая обработка материала (нередко с использованием ЭВМ).

В последнее время предпринимаются попытки создать машинный фонд русского языка, включающий в себя наряду с другими фондами грамматический (в частности, морфемно-словообразовательный подфонд языка).

Именно таким фондом по грамматике (более узко – по морфемике) в неалгоритмическом, немашинном виде является "Словарь морфем русского языка", составленный автором диссертации (при участии Т.Ф.Ефремовой). В диссертации была проведена вручную обработка морфемной базы данных с целью обнаружения и исследования периферийных явлений на фоне центральных, основных. Изучение периферийных явлений в области морфемки становится одной из существенных проблем в понимании специфики морфемного устройства слова вообще. В связи с этим утверждением задачи, характерные для морфемного анализа, приобретают новое содержание.

1. Прежде всего в задачи работы входит обоснование принятой в работе методики членения слов, с учетом которой был получен фонд морфем и структуры слов.

2. Многомерное признаковое (параметрическое) изучение морфем русского языка позволяют сформулировать в качестве задачи новую трактовку понятия периферийности (в противовес центру или ядру) в области морфологии вообще и морфемки в частности. Материалом для детального изучения послужил не весь инвентарь морфем и не все существующие в языке структуры слов, а только области окраинные, малочисленные, то, что обычно называют периферийными областями языка, рассмотрение которых проводилось со многих разных точек зрения.

3. Исследование периферийных явлений в области морфемки приводит к постановке ряда более частных проблем, например, а) к установлению признаков, с помощью которых можно описывать структуры слов и инвентарь морфем; б) к решению задачи выявления корреляционных отношений между отдельными параметрами; в) к поискам связующих звеньев между морфемным и словообразователь-

ным анализами, между тем, как сделаны готовые слова, и тем, как они делаются; г) к нахождению фактора, регулирующего процессы образования новых слов; д) к объяснению сквозь призму исторических преобразований определенных синхронных явлений, превратившихся в настоящее время в единичные. Задачи частного характера возникают как при исследовании инвентаря морфем и их дистрибуционных особенностей, так и при изучении функционирования морфем в тексте.

При решении выдвинутых задач использовался метод параметрического описания. Каждому объекту, с одной стороны, приписывалось некоторое количество признаков (так называемое однообъектное распределение), с другой стороны, разные объекты измерялись по одному общему признаку (многообъектное распределение). Иногда приходилось обращаться к многомерному (многопараметрическому) распределению, которое комбинируется из двух названных видов распределения.

Методика исследования сводилась к следующему.

Составлялся некоторый (далеко не полный в данной работе) перечень признаков, характеризующих структуру слова и морфему. Признаки можно сгруппировать в фонетические, семантические, морфологические, функциональные... По каждому признаку количество принимаемых им значений бывает разное – от двух и выше. Так, у корня может быть два значения какого-либо альтернативного признака (корень свободный – корень связанный) или много значений, как, например, по признаку длины (корень односложный – двусложный – ... шестисложный или корень в одну-две – ... – девять букв). Среди выделенных для описания признаков могут быть и качественные (наличие/отсутствие альтернантов у корня), и количественные (число алломорфов у корня). Качественный и количест-

венный подход к анализу морфемки не исключает, а взаимно дополняет друг друга, позволяя компенсировать имеющиеся в каждом недостатки, так как оба подхода преследуют одну и ту же цель — получение достоверных и надежных результатов исследования.

Особое внимание уделяется отбору признаков, характеризующих изучаемые явления русской морфологии (более узко — русской морфемки). Иногда в лингвистической литературе предлагается использовать только существенные признаки (А.В.Бондарко, Г.П.Нещименко), иногда — любые (А.И.Кузнецова). Обнаружение взаимосвязи и взаимообусловленности отдельных "сильно закоррелированных" признаков позволяет выявить комплексный характер изучаемого явления.

Многопризнаковый анализ какого-либо явления не требует априорного разделения признаков на зависимые и независимые, так как все признаки можно рассматривать как равноправные, но если можно выразить большое число рассматриваемых признаков через меньшее число более емких внутренних характеристик того или иного явления языка (в частности, морфемного явления), то предполагается, что эти наиболее емкие характеристики (например, глубина слова) окажутся одновременно и определяющими, наиболее существенными, "информативными" (при факторном анализе их называют факторами).

Малоинформативные признаки могут быть двух видов: к первому принадлежат признаки, по которым подавляющая часть изучаемых объектов относится к одному значению признака; ко второму виду принадлежат признаки, по которым все объекты примерно одинаково распределены по значениям этих признаков. С помощью признаков первого вида можно квалифицировать изучаемые явления с точки зрения центра и периферии (вторые для этой цели не пригодны).

Многомерное рассмотрение различных совокупностей объектов

выявляет наличие "промежуточных" объектов, характеризующих переход от одного типа объектов к другому. Надо выяснять не только принадлежность объектов к тому или иному типу, но и "вес" их по отношению к этому типу, а также степень их сходства с объектами (единицами) других типов, то есть выявлять "полосу размытия" между типами. Переход между классами чаще постепенен, чем скачкообразен.

В качестве материала исследования, подвергаемого многомерному признаковому анализу, взяты только исконные (за редким исключением) морфемы русского языка и структуры русских слов, отобранные (согласно выдвинутым критериям) из общего запаса структур слов и морфем русского языка, содержащего в своем составе помимо русских слов многочисленные заимствования.

Сбор материала для любого исследования (и особенно в области морфемки) — процесс необычайно кропотливый. Для настоящей работы материал собирался по "Словарю морфем русского языка", в котором представлено более 52 тыс. слов, состоящих приблизительно из 5 тыс. морфем (среди них около 4400 корней, 70 префиксов и более 500 суффиксов, в том числе и "аномальных", встречающихся в одном или нескольких словах). Материал пополнялся из других источников (благодаря чему объем материала, естественно вырос): 1) из имевшихся в распоряжении автора словарей морфем и словарей морфемного состава слов русского языка, в которые вносились в процессе работы коррективы, поправки, касающиеся членения слов и объединения морфем (алломорфем) в морфемы согласно принятому в работе методу членения, а также 2) из разного рода словарей — справочников.

Структура диссертации определена проблематикой исследования.

Диссертация состоит из Введения, 5 глав и Заключения. Неодинаковый объем глав объясняется различной сложностью и важностью решаемых в них проблем.

Во Введении говорится о предмете исследования, обосновывается необходимость проводить анализ объекта исследования с различных точек зрения, описывается методика исследования, его цель и задачи, намечаются пути решения поставленных задач, описываются также источники, по которым отбирался материал, делается обзор словарей морфем, раскрывается композиция.

В главе 1 рассматриваются основные понятия и методы морфемного анализа, дается обоснование инвентаря русских морфем.

В первом разделе главы автор останавливается на разногласиях по поводу морфемного и словообразовательного анализов, говорит о расхождении обоих анализов и вместе с тем показывает, что противопоставление этих двух видов анализа не снимает вопроса о существовании одновременно и их взаимозависимости.

Во втором разделе первой главы речь идет о задачах морфемного анализа, роли семантического критерия при морфемном анализе, рассматривается проблема значения морфемы и ее возможная деривационная семантизация. Много внимания уделяется вопросу эквивалентных решений при морфемном анализе; выявляются хронологические границы синхронного морфемного анализа, историческая изменчивость инвентаря морфем и структуры слова.

В третьем разделе первой главы описываются методы морфемного анализа. Предпосылками морфемного анализа служат обычно фонетическое и семантическое сходство сравниваемых элементов. Не отвергая этих критериев, автор делает упор на критерий формального строения слова. Членение слов осуществляется методом сопостав-

ления однокоренных слов, которое происходит с учетом (в вертикальном ряду) парадигмы слова и чередований, свойственных русскому языку, а также с учетом (в горизонтальном ряду) существующего в языке инвентаря аффиксов, с учетом модели строения слов. При использовании этого хорошо известного в морфологии метода морфемного анализа он подвергся корректированию; были введены некоторые принципиально новые положения,

1. Для сравнения однокоренных слов (с целью вычленения общего корня) сознательно привлекаются слова, бытующие во всех языковых подсистемах, а не только в литературном языке, поскольку слово всех подсистем (которые могут быть употреблены в любой другой подсистеме) в большинстве своем устроены из одних и тех же морфем и соединяются друг с другом по одним и тем же законам (по другим правилам и из других морфем складываются поздно заимствованные слова, особенно термины).

2. При использовании сопоставительного метода в данной работе происходит перенесение центра тяжести с семантического критерия на формальный, иначе говоря, при морфемном анализе следует идти не столько от корня, смысл которого часто бывает размыт и трудно уловим, сколько от структуры слова, от аффиксов, следует широко проводить членение по аналогии с существующими в языке образцами. Желательно при этом находить подтверждение правильности выделенного единичного корня в современных диалектах или в литературном языке в виде архаизма. Если такое подтверждение обнаружить невозможно, лучше (хотя и необязательно) считать всю основу непроемной (таковы слова за-усен-иц-а при диал. усенница, уэенка, вз-балмош-н-ий при диал. балмошь и др., корни которых единичны в литературном языке). Членение слов по аналогии допустимо производить только в таких ситуациях, когда результаты это-

го членения не вступают в явное противоречие с этимологией (на-
пример, нельзя по аналогии со словами типа по-куп-к-а, по-бел-
к-а членить *по-лев-к-а, *по-мад-к-а).

Благодаря первому пункту открылись возможности вскрыть на-
пластования морфем в слове более глубокие, чем это видно при по-
верхностном рассмотрении. Принцип синхронности при этом жестко
соблюдается, так как членимое слово сопоставляется только со
словами, существующими в живом современном русском языке, хотя
и в разных его сферах.

С точки зрения пункта второго становится более упорядочен-
ным закон построения слова, видны ограничения в сочетаемостях
морфем.

В результате примененного метода членения, с одной стороны,
получен инвентарь морфем современного русского языка в 5 тыс.
единиц (обоснование которого дается в четвертом разделе первой
главы), с другой стороны, установлена морфемная структура при-
близительно 57 тыс. слов современного русского языка.

Для анализа всего запаса морфем и структур слов в работе
предлагается метод параметризации. Весь инвентарь, рассмотрен-
ный под тем или иным углом зрения, делится на центральную и пе-
риферийную зоны. Далее анализу подвергаются лишь периферийные
явления в области морфематики, выявляемые по каждому параметру
отдельно в противоположность центру.

В главе II дается обоснование понятия периферии
и ее признаков, определяется место понятий центр и периферия
среди других смежных лингвистических понятий, выявляются инфор-
мационные возможности единиц инвентаря морфем и структур слова.
В первом разделе этой главы речь идет о терминологичности поня-
тий центр - периферия; во втором разделе - об использовании этих

понятий на различных языковых уровнях - при описании фонологичес-
ких систем, на уровне морфологии, в области словообразования,
на синтаксическом уровне, при анализе лексики и даже текста, в
теории стилей.

В третьем разделе второй главы при изучении проблем взаимо-
действия центра и периферии, выяснении их границ и т.п. обсужда-
ются также наиболее характерные черты периферии, предлагаемые
разными языковедами. В лингвистической литературе периферийные
явления нередко смешиваются с асистемными, ненормативными и да-
же асимметричными явлениями. Отсюда, естественно, представля-
ется целесообразным рассмотрение вопросов, касающихся соотношения
понятий центр - периферия с понятиями нормы // ненормы, систем-
ности // асистемности, симметрии // асимметрии. Это рассмотре-
ние показывает, что ненормативные, асистемные и асимметричные
явления далеко не всегда совпадают с явлениями периферийными и
не могут служить существенными критериями выделения периферии
в языке. Критерием периферии, наиболее существенным для ее выде-
ления, признается количественный критерий - малый размер класса,
который устанавливается в данной работе в 10%.

Данный критерий может быть использован для анализа самых
различных явлений, поддающихся количественной обработке и рас-
сматриваемых с помощью различных параметров (признаков).

Одно и то же явление под одним углом зрения может быть от-
несено к центру, под другим - к периферии. Определение того,
принадлежит ли какое-либо явление к центру или периферии, зави-
сит от точки отсчета и выбранного параметра. Точкой отсчета
должны стать наиболее типичные явления языка, охватывающие до
90% языковых фактов, проанализированных по многим разнообразным
признакам, выбранным исследователем и принимаемых за эталон. От-

клонения от средних цифр выглядят как некие крайности, как крайние точки шкалы, на которой размещаются те или иные явления, рассматриваемые с точки зрения какого-либо определенного признака. Языковая "теория относительности" выявляет свою относительность не только в рамках одного языка в зависимости от точки отсчета, от точки сопоставления, но и в разных языках: то, что обязательно для одного языка, не обязательно, факультативно и часто периферийно для других языков. Использование независимых друг от друга признаков позволяет обнаружить глубинные, часто весьма существенные сходства у множества разнородных на первый взгляд объектов. Между различными признаками может существовать корреляция, позволяющая увидеть причинные связи, общие закономерности рассматриваемых периферийных явлений.

Таким образом, с помощью количественной обработки материала и параметризации любой языковой единицы (морфемы, структуры слова и т.д.) можно определить понятие периферийного явления (однопризнакового или многопризнакового периферийного пространства). Признаки могут быть как качественными, так и количественными. Релевантными признаками, используемыми при поисках периферийных явлений, можно считать параметры, по которым подавляющее большинство исследуемых объектов относится к одному значению признака, а меньшинство, не превышающее 10% и объявляемое периферией, — к другому.

Периферийных явлений будет столько, сколько будет использовано релевантных для данной процедуры обнаружения периферии признаков.

В главе III рассматриваются периферийные явления в морфемном составе русского слова (в его словарной форме). В качестве признаков, по которым можно анализировать структуру сло-

ва, в работе предлагаются следующие параметры;

- количество морфем в слове, в том числе количество корней и аффиксов в основе слова;
- порядок следования морфем в слове;
- воспроизводимость/невоспроизводимость их в пределах слова,

Подавляющее большинство русских слов (более 87%) состоит из $4+1$ морфема. Обычным порядком следования морфем в основе слова является расположение типа $\Pi - \sqrt{\quad} - С$ (префикс-корень-суффикс), где Π принимает значение от 0 до 3 (с помощью отрицания НЕ- префиксальная цепочка изредка может удлиняться до четырех префиксов, как в слове не-при-с-по-соб-л-ени-ость-я), $\sqrt{\quad}$ — от 1 до 6, $С$ — от 0 до 6. При этом для основ слов центра наиболее типично количество префиксов — 1, суффиксов — 2, корней — 1. Структура основ с максимальным количеством каждого вида морфем типа $\Pi_3 - \sqrt{6} - С_6$, содержащая в общей сложности 15 морфем, не встречается в языке.

В 99,5% случаев слова состоят из разных морфем; омографные морфемы в пределах одного слова также почти не встречаются.

Приведенные правила имеют немало исключений, образующих периферийные структуры слов в русском языке по каждому из упомянутых признаков.

Среди перечисленных факторов наиболее важным является фактор глубины слова, называемый также степенью синтеза, под которым понимается количество морфем в слове. В работе дается подробный анализ периферийных групп по этому параметру — слов малой глубины (включая безаффиксные слова) и слов большой глубины (включая поликорневые слова). В группу слов с малыми глубинами (5% на 57 тыс. слов) попадают прежде всего корневые слова, среди которых можно выделить подгруппу слов-одиночек, не имеющих в язы-

ке никаких производных, и корневые слова *Pluralia tantum*, которые одновременно входят в подмножество слов *Pluralia tantum* производных, то есть с глубиной больше, чем две морфемы, и, таким образом, лишь частично пересекающихся со словами малой глубины.

Среди слов малой глубины одноморфемные слова (размер этого подкласса 0,2%) почти все относятся к неизменяемым служебным частям речи, частота подкласса низкая, хотя индивидуальная частота отдельных слов может быть достаточно высока; словообразовательная валентность одноморфемных слов незначительная, иногда нулевая, продуктивность корней также небольшая, за исключением корней глагольных частиц.

Двуморфемные слова образуют подкласс размером 4,7-5%. Среди них беспрефиксные слова составляют 99,16%. Более 83% всех двуморфемных слов относится к существительным, глаголам и прилагательным, среди них - около 3% и ~9,7% соответственно.

Слова большой глубины, имеющие один корень (8%), резко распадаются на две неравномерные группы: шестиморфемные слова (их 6,6%) и слова с глубиной в семь - одиннадцать морфем (около 1,5%), причем количество последних обратно-пропорционально их глубине: с семью морфемами слов больше, чем с восемью, с восемью - больше, чем с девятью и т.д. Пропорция эта несколько изменяется с привлечением сложных слов, но в целом тенденция к уменьшению сохраняется.

Шестиморфемные слова в русском языке занимают промежуточное положение между центром и периферией. В отличие от них простые слова большой глубины могут быть только приставочные (за исключением нескольких семиморфемных слов, как уч-и-тель-ств-ов-а-ть), относятся в основном к именам существительным и прилага-

тельным или глаголам; среди семи- и восьмиморфемных слов преобладают существительные, а среди девяти-одиннадцатиморфемных слов больше всего глаголов. При исследовании слов большой глубины бросается в глаза, что в них представлен сравнительно узкий круг корней (например: -вед-, -вид-, -вод-, -глас-, -да-, -зна-, -ряд-, -соб-, -сто-), а десяти- и одиннадцатиморфемные слова возможны вообще только с корнем -вид-.

Привлечение к анализу сложных слов слегка меняет общую картину - количество слов большой глубины возрастает, особенно в сложных поликорневых (то есть в словах с количеством корней более двух) словах, составляющих в русском языке менее 0,5%.

Морфемные структуры слов (или основ), анализу которых уделяется в последнее время серьезное внимание, могут быть изучены не только с точки зрения типов морфемных структур, характерных для разных частей речи или с точки зрения количества в них префиксов, суффиксов и т.п., но и с точки зрения отнесения того или иного типа морфемной структуры (например, модели П-√-С-Ф, √-С-Ф, или П-√-С-С-Ф и др.) к одному из трех классов слов, выделяемых в настоящей работе по глубине слова: к центру (например, модели П-√-С-Ф, √-С-С-Ф, П-√-С-С-Ф, √-С-Ф и т.п.), к словам малой глубины (√-ф, √-Ф, √-С-ф, П-√-ф) и к словам большой глубины (П-√-С-С-С-С-Ф, П-П-√-С-С-С-Ф, П-П-√-С-С-С-С-Ф, П-П-√-С-С-С-С-Ф и др.).

Естественно, что при малом числе аффиксов в модели слова морфемная структура будет малой глубины, при большом количестве аффиксов она обычно будет большой глубины. К центру отойдут все те структуры, в которых сумма префиксов, суффиксов, корня и окончания не превысит пяти, то есть П-П-√-Ф, П-П-П-√-ф, П-√-С-Ф и т.д. Однако, надо иметь в виду, что среди моделей одинако-

вой глубины могут быть свои центральные и периферийные области в зависимости от числа суффиксов, например: из одинаковых по числу морфем моделей П-Г-С-Ф и П-П-П-Г-Н первая будет охватывать огромное число слов (более 20 тыс.), а вторая - ничтожное (менее 10 слов), хотя глубина у них одна и та же - четыре морфемы.

Задача установления корреляции между разными типами морфемных структур и классами слов по их глубине может быть легко решена с помощью ЭВМ.

Параметр глубины слова - сознательно или бессознательно - оказывает влияние на вновь образуемые слова в русском языке, которые подчиняются закону средней глубины слова. Наиболее активно растет за счет новообразований группа шестиморфемных слов, составляющая (по параметру глубины слова) промежуточную между центром и периферией языка группу. Слова большой глубины с одним корнем образуются заново очень редко. Интуитивным ограничителем при создании неологизмов является также типичное для русского языка в целом количество префиксов и суффиксов в структуре слова: число префиксов не превышает трех, а суффиксов - шести. Образование неологизмов с помощью префикса от слова, уже имеющего в своем составе два префикса, происходит необычайно редко.

От многоморфемных слов деривация развита слабо; в качестве производящей основы для вновь образуемого слова обычно выступают слова средней глубины, к которым прибавляется обычно по одному форманту. Благодаря этому наиболее активно пополняются новообразованиями промежуточные группы слов в шесть (для слов с одним корнем) и в восемь (для поликорневых слов) морфем. Большинство многоморфемных новообразований являются сложными словами.

Вполне естественная при образовании новых слов тенденция к

незначительному увеличению глубины слова выше средней уравнивается противонаправленной тенденцией к уменьшению глубины новообразований по сравнению с типичной для 90% слов глубиной 4±1 морфема в производящей основе. Данная тенденция проявляется в усечениях разного рода, в конденсации, сжатии нескольких слов до одного, в наложениях, приводящих иногда к опрощению. Таким образом, фактор глубины слова, типичной для языка, оказывается в целом неизменным и продолжает действовать как закон на создание новых слов в языке; периферийные группы подвержены большим изменениям и оказывают поддержку действию закона глубины слова: увеличение слов одной группы уравнивается уменьшением слов другой группы.

Обращение к фактору порядка морфем в составе слова также позволило обнаружить и описать несколько периферийных явлений в области русской морфематики. К их числу относятся нарушения обычного порядка следования морфем в морфемных структурах слов; префиксы, не входящие в одноэлементные последовательности; префиксальные последовательности с метатезой префиксов. Особый случай периферийного явления представляют устойчивые последовательности суффиксов - морфемные блоки, которые на 3 тыс. суффиксальных последовательностей приходится около 5%. Их роль в словообразовании сводится к роли единого и достаточно часто употребляемого форманта, участвующего в образовании новых слов нередко от новых основ с пропуском промежуточной стадии, а в морфемике - к формированию новых сложных суффиксов, претерпевающих в ходе истории опрощение, превращающихся из последовательностей суффиксов в единый суффикс, иногда с трудом подвергающийся членению. Приблизительно одна пятая часть морфемных блоков коррелирует с периферийной группой слов большой глубины, а несколько морфемных бло-

ков с допускаемой внутри них метатезой морфем – с наличием в языке словообразовательных кругов. Количественный рост и активизация морфемных блоков, имеющих шансы превратиться из цепочки суффиксов в один суффикс – формант, может со временем повлечь на общую глубину слова, слегка сократив ее, и на среднюю длину аффиксов, увеличив ее.

С точки зрения воспроизводимости (повторяемости) морфем в слове к периферийным явлениям относятся случаи словообразовательного круга и оморфных морфем.

Словообразовательный круг в современном русском языке представляет собой частный и в процентном отношении весьма незначительный (0,5%) способ вторичного образования какой-либо части речи от того же корня обязательно через промежуточную стадию, являющуюся обычно другой частью речи и оформляемую другим суффиксом.

Суффиксы, участвующие в словообразовательных кругах, составляют около 1% от числа всех суффиксов русского языка.

В древнерусском языке могли встречаться словообразовательные круги без промежуточной стадии, то есть были возможны хотя и редкие случаи контактного повтора (удвоения) суффикса, что исключено для современного русского языка.

Общее число словообразовательных кругов в современном русском языке растет по сравнению с прошлыми периодами развития языка, в связи с чем словообразовательный круг и вызывает к себе определенный интерес.

Иногда возможны в языке удвоения и префиксов (обычно без промежуточной стадии: пра-пра-дед, по-по-мнить, ср.: по-с-по-собствовать), еще реже – корней (среди неологизмов зафиксировано, например, слово с рекуррентным корнем – любелюбие).

В пределах одного слова помимо случаев рекуррентности морфем встречаются различные виды оморфии, которая, являясь периферийным фактом морфемного состава русского слова, возможна почти между всеми типами морфем, кроме корней и интерфиксов.

Таким образом, в трех разделах третьей главы анализировались структуры русских слов с трех разных точек зрения: с точки зрения количества морфем в слове, с точки зрения порядка следования морфем в слове и их воспроизводимости/невоспроизводимости в пределах слова. По всем трем параметрам были обнаружены центральные и периферийные области. Некоторые из выделенных по разным признакам периферийных групп коррелируют друг с другом. Полных совпадений не бывает, но частичные пересечения достаточно часты. Так, пересекаются между собой слова большой глубины; слова, содержащие в своем составе морфемные блоки с четырьмя – пятью морфемами; слова с количеством аффиксов (префиксов и суффиксов) большим, чем три; слова со словообразовательным кругом, что нередко связано с метатезой морфем внутри морфемного блока; слова с оморфией в пределах слова, поликорневые слова. Например, слово по-верх-н-ост-н-ость-ь имеет семь морфем, рекуррентные аффиксы, морфемный блок, пять аффиксов (четыре суффикса и один префикс). Существительное оч-к-о-в-тир-а-тель-н-иц-а содержит 10 морфем (из них семь аффиксов в основе – шесть суффиксов и префикс), оморфные аффиксы, является поликорневым словом.

Наоборот, слова малой глубины одновременно могут быть бессуффиксными, иметь не более одного аффикса в основе (или окончания), обладать нулевой валентностью; в словарной форме они не могут допускать оморфии; никогда не имеют морфемных блоков и т.д. Например, наречие в-друг-и имеет две морфемы, не имеет

суффикса, имеет только один префикс.

В установлении всех корреляций в структуре слова цементующим признаком должна быть глубина слова, которая может быть названа поэтому морфным законом слова.

Глава IV посвящена анализу периферийных явлений в инвентаре морфем. Запас морфем, образующих основы слов в русском языке, включает более 5 тыс. единиц, среди которых самый большой по размеру класс составляют корни. Частота класса корней выше частоты других классов морфем, входящих в основу слова. В разделе четвертой главы "Периферийные явления в корневом запасе языка" речь идет только об исконных корнях русского языка, а также о корнях, полностью адаптированных русским языком и заимствованных в допетровскую эпоху. Исключения представляют лишь корни, функционирующие как слова-одиночки, которые, по большей части, — поздние заимствования (в данном разделе объем исследованных слов значительно увеличен).

- Для основной массы корней характерна следующая картина:
- корни обладают понятийным (вещественным) значением, которое можно с большим или меньшим трудом описать, ориентируясь на самостоятельное функционирование корней в речи; отсюда
 - большая часть русских корней (более 60%) являются свободными, то есть корни обладают независимостью и могут, соединяясь с соответствующим окончанием, выступать в качестве самостоятельных слов в речи;
 - корни имеют весьма разнообразную дистрибуцию, соединяясь с морфемами других классов (префиксами, суффиксами, окончаниями, интерфиксами) или (реже) с другими корнями, образуя при этом гнезда, включающие в среднем 13 слов;

- около 85% корневых морфем обладают одно-, двух- или трехалломорфной структурой;
- почти все корни могут нести на себе ударение;
- средняя длина русского корня — $4+1$ фонема (или буква — для письменного варианта языка); в терминах слогов — один-два слога;
- корни в целом избегают омофонии;
- большинство корней (из числа рассмотренных) употребляются как в литературном языке, так и в диалектах и в профессиональных подязыках (но не все диалектные и профессиональные корни встречаются в словах литературного языка);
- корни равномерно распределены по "продуктивным" и единичным моделям (так, корень ход встречается в модели слов типа по-√-и-ть, за-√-и-ть, в которых используются многие другие корни, а также в модели √-атай-ств-ов-а-ть, где другие корни не употребляются).

По каждому параметру могут быть выделены свои центральные и периферийные зоны. Вместе с тем очень часто наблюдается закоординированность между собой центральных или периферийных явлений по некоторому набору черт. Так, корни, характеризующиеся независимостью (то есть функционирующие как корневые слова), наличием денотативного (вещественного) или сигнификативного (понятийного) значения, многосторонностью связей с другими морфемами (то есть продуктивностью), корни, обладающие высокой индивидуальной частотой встречаемости, ударностью, средней длиной и другими перечисленными чертами, образуют по перечисленным чертам центр корневого запаса русского языка.

Наоборот, в периферийные или промежуточные группы корней попадут десемантизированные корни, являющиеся одновременно свя-

занными; корни, специфичные для какой-то определенной части речи (одной или двух); корни с нулевой словообразовательной валентностью, выступающие в виде слов-одиночек; корни, от которых образуются с помощью разных окончаний слова различных частей речи, и т.п.

В соответствующих разделах четвертой главы подробно проанализированы перечисленные периферийные группы корней.

Исчезновение корневого слова из литературного языка (при сохранении корня в производных словах) всегда ведет к появлению в литературном языке связанного корня; однако, при наличии корневого слова в диалектах или специальной лексике (например, колченогий, карчеподъемник при диалектных колча, карча) такие корни не следует считать связанными. Истинные связанные корни встречаются очень редко, образуя в этом случае периферийную группу связанных десемантизированных корневых морфем с подгруппами:

- 1) одноалломорфных корней (например, корень -усен- при наличии диалектных слов усение, усенка и литературного заусеница),
- 2) корневых морфем, имеющих несколько алломорфов, из которых один (одни) являются связанными, а другой (другие) - свободными.

Десемантизация корня может наблюдаться не только в связанных корнях, но и в корнях сложного слова, утративших возможность однозначного истолкования значений из-за неясности подчинительных связей компонентов. Корни, десемантизированные в силу причин синтаксической омонимии, также составляют периферийную группу в языке.

По дистрибуционному признаку большинство корней обладает многосторонними связями с другими морфемами языка; вместе с тем, их словообразовательная сила (валентность) бывает различной. От основной массы корней могут быть образованы гнезда от пяти до

50 слов в каждом гнезде, причем обычно со словами, принадлежащими к различным частям речи.

Однако порою в русском языке встречаются корни, от которых может быть образовано не просто малое гнездо с одним - тремя членами, а вообще одно-единственное слово (слово-одиночка).

Слова-одиночки составляют 2% в русском языке, судя по результатам обработки 120 тыс. слов русского языка. Распределение слов-одиночек по частям речи существенно отличается от распределения по частям речи остальных слов русского языка, а именно: 94% приходится на имя существительное и лишь 6% - на остальные части речи, из них 1% - на глагол, 1,7% - на прилагательное. По своему происхождению слова-одиночки почти на 90% представляют заимствования из других языков; характерно, что в пределах собственно русских слов-одиночек около половины - слова не литературные, а областные, реже просторечные или специальные (верес, друг, слуда, стодола, рахманний...). Слова-одиночки обладают особо низкой частотой встречаемости. Большая часть слов-одиночек является корневыми словами, хотя среди них возможны и связанные основы. В свою очередь, корневые слова могут быть словами-одиночками, но чаще входят в гнезда родственных слов; иначе говоря, периферийные группы слов-одиночек и корневых слов находятся в отношении пересечения.

Каждый корень, функционирующий в качестве корневого слова, в 95% случаев служит производящей основой только для одного единственного корневого слова - существительного, глагола, прилагательного или частицы. Лишь незначительная группа корней (5%), находящаяся в иерархических отношениях со свободными корнями (периферия периферии), может принимать сразу два или даже больше окончания (при отсутствии суффикса), образуя по несколько кор-

невных слов от каждого корня, относящихся иногда к разным частям речи (тогда говорят о возникающей омонимии слов - о соотношении по конверсии: золото - золотой, течь - течь и др.), иногда - к какой-либо одной части речи (раб - раба, час - часы; борзый - борзой и т.п.).

Таким образом, корни, реализующиеся в двух и (изредка) более корневых словах каждый, составляют периферийную группу по отношению ко всем корням анализируемого корпуса слов.

В свою очередь, все корневые слова в целом сами выступают как периферийная группа по отношению ко всем словам языка, среди которых более 95% - производные слова. По параметру глубины слова корни с двойной реализацией (то есть функционирующие в виде двух корневых слов) также образуют периферийную группу - они состоят из одной морфемы (например, глагольные частицы) или двух морфем (обычно существительные, глаголы, прилагательные, числительные): из корня и окончания. С точки зрения других параметров корневые слова - конверсивы могут оказаться центральными.

От основной массы русских корней (90,5%) можно образовать существительные наряду с другими частями речи (из них от 15,4% - только существительные). От остающихся 9,5% корней существительные не образуются никогда. Эти корни, периферийные по отношению к основному запасу корней, могут участвовать в образовании либо только прилагательных (типа карий, куций, половый, всего 3,5% корней от 4500), либо только глаголов, не считая причастий (типа хлынуть, лебезить, сигать, сигнуть, всего 3,2%), либо глаголов и прилагательных, по происхождению обычно из адъективированных причастий (замусолить - замусоленный, пожелкнуть - пожел-

клий и т.п., всего 2,3%), или наречий и служебных частей речи (очень, еле, еще, пока и др., всего - 0,5%).

Если существительное обозначить через С, глаголы - через Г, прилагательные через П, то

$$\overline{СГ}^+ (3,5\%) > \overline{СГ}^{+-} (3,2\%) > \overline{СГ}^{++} (2,3\%) > \overline{СГ}^{--} (0,5\%).$$

Естественно, что возможны пересечения классов корней.

Корни русского языка могут быть описаны в терминах их слоговой, звуковой или буквенной длины. Самыми многочисленными являются односложные корневые морфемы, которые вместе с двусложными составляют центр, охватывая около 90% всех корней.

По параметру длины в терминах фонем (или букв, результаты почти совпадают; различия всегда оговариваются) к центру относятся корни, состоящие из 4+1 фонема (или буква), а к периферии - корни в один - два и семь - девять элементов. В связи с этим наблюдением можно констатировать изоморфизм структуры слова, состоящего из морфем, и структуры корня, состоящего из фонем (букв).

Количество корней в объеме рассмотренного материала обратно пропорционально их длине: "укороченных" корней больше (6%), чем "удлиненных" (3%).

Как известно, "границы морфем (и корней, и аффиксов - А.К.) часто разрывают слоги, тогда как границы слов почти всегда совпадают с границей слога" (Скаличка). В связи с частыми несовпадениями границ корня (и других морфем) и слога длина морфем определяется обычно в терминах и букв (или фонем), и слогов.

Если основная (центральная) часть русских корней состоит из одного или двух слогов, то для периферии характерны трехсложные (~6%) или неслоговые корни (2,3%).

Не все корни, периферийные с точки зрения слоговой структу-

ри, будут периферийны с точки зрения фонемного (буквенного) своего состава и наоборот. Так, периферийные корни в одну - две фонемы (буквы) могут быть центральными в плане слоговой характеристики: это корни типа VV, V, CV и VC (но не CC или C). Периферийные полиэлементные корни иногда бывают двухсложными, что характерно для корней центра (-крендел-, -стерляд- и др.).

С другой стороны, периферийные корни, не образующие слога (типа C или CC и - реже - CCC), могут быть отнесены к центру, если учитывать количество букв (фонем) в них (их больше встречается в письменном варианте языка): таковы трехбуквенные корни -льг-, -льз-, -льв-, -льн-, -мст- (всего - 11 корней) и даже четырехбуквенный неслоговой корень -льст-. Изредка трехслоговые периферийные корни имеют в своем составе пять фонем (букв), например, -океан-, и, следовательно, будут относиться к центру по параметру фонемной (буквенной) длины корня.

Для коротких корней в одну - две фонемы (буквы) свойственна оморфия.

Среди полифонемных корней преобладают заимствованные корни и случаи опрощения. Полифонемные корни никогда не имеют оморфем.

Большинство русских корней (почти 60%) являются альтернирующими. Алломорфы образуют регулярные, хотя и закрытые ряды чередований, иногда с пропущенными или утраченными членами в словарной форме корня, восполняемыми, впрочем, диалектными или текстовыми формами. Для русского корня можно выделить достаточно много альтернативных рядов различного вида - вокалические, консонантные, вокалическо-консонантные. Для русского корня наиболее характерна лабильность конечного согласного и гласных и лишь в редких случаях - начального согласного, чередующегося с

нулем. В числе алломорфов могут быть и усеченные корни, как например, -ка-, -то-, -тя- в глаголах кануть, тонуть, тянуть.

Морфемы, состоящие из пяти - десяти алломорфов, - маргинальное явление русской морфематики, охватывающее всего 6% от числа всех рассматриваемых русских корней. Среди пяти-десятичленных рядов чисто вокалические ряды (-1.тер-/тёр-/тир-/тор-/2.тр-) - явление чрезвычайно редкое. Размер ряда, то есть количество членов в нем, зависит от качества не только гласного, но и согласного, имеющего или не имеющего в языке регулярные чередования с другими согласными (-ник-/ниц-/нич-/нок-/1.ноч-/нк-).

Распределение алломорфов по морфемам происходит очень неравномерно: одно-двух- и трехалломорфная структура морфем характерна для подавляющего большинства русских морфем (88%). Далее наступает резкий перепад: 244 морфемы обладают четырехалломорфной, а около 135 - пятиалломорфной структурой. Чем больше алломорфов входит в состав одной морфемы, тем меньше существует таких морфем в современном русском языке. Однако постепенно, на периферии, эта закономерность сходит на нет. Так, 10 морфем обрывается шестью, две - семью, восемью, девятью и десятью алломорфами каждая (например: -перед-/перёд-/перез-/пред-/преж-/прежд-; -сад-/саж-/сажд-/се-/1.сед-/сёд-/сес-/сид-/1.сиж-/сяд-). Следует сразу оговорить два следующих момента: 1) На фонетическом уровне количество случаев алломорфного варьирования заметно возрастает; 2) в тексте, по сравнению со словарными формами, также количество альтернирующих морфем может увеличиваться.

Сопоставление корней с точки зрения их длины и количества альтернантов позволяет сделать наблюдения относительно слабой, но в отдельных случаях вполне четкой их взаимозависимости:

чем длиннее корень, тем меньше алломорфов в корневой морфеме; чем короче корень (но не меньше двух элементов), тем больше алломорфов в корне.

Можно поставить интересный вопрос о том, существует ли взаимозависимость между количеством алломорфов корневой морфемы и словообразовательной валентностью алломорфов. Средний размер гнезда каждого корня (алломорфа) составляют приблизительно 13 слов (57 тыс. : 4400).

Максимально продуктивные корни, составляющие приблизительно 8,5% (228 корней от 2800, подвергнутых анализу), образуют от 370 до 50 слов каждый (цифры округлены), давая в общей сложности около 20 тыс. слов. Среди этих корней только 33 корня, то есть 1,2% от общего числа корней или около 14% от числа наиболее продуктивных корней, входящих в периферийные ряды альтернирующих алломорфов, обладают большой продуктивностью, участвуя в образовании от 180 до 50 слов каждый, причем в семи случаях высокая продуктивность отмечается сразу у двух или трех алломорфов корня. Однако чаще в периферийных рядах альтернирующих корней, имеющих в своем составе от пяти до 10 алломорфов, высокая продуктивность отмечается только у одного алломорфа. Амплитуда колебаний "корневой силы" у корней одного ряда бывает очень велика. Так, с корнем -2.тр- в "Словаре морфем русского языка" фиксируется только одно слово (трение), с корнем -тор- - 27, а с корнем -тир- - 110. Следовательно, в одну корневую морфему могут объединяться морфы и активные, и пассивные: в корневых морфемах, периферийных с точки зрения количества альтернирующих вариантов, нет рядов с одинаковыми у всех алломорфов гнездами; обычно продуктивными оказываются один-два алломорфа, у остальных алломорфов "корневая сила" незначительна или даже минимальна.

Параметрический анализ периферийных явлений в инвентаре корней заканчивается рассмотрением случаев оморфнии. Количество оморфний в корневом запасе языка составляет 10%. На графемном уровне оморфния наблюдается как между корнями (внутренняя оморфния), так и между корнем и аффиксами (внешняя оморфния).

Второй раздел четвертой главы содержит описание периферийных явлений в аффиксальном запасе языка. Начинается данный раздел с характеристики некоторых свойств, присущих подавляющему большинству аффиксальных морфем:

- префиксы и суффиксы, обладая определенными деривационными значениями, участвуют в образовании новых слов, то есть являются формантами;
- средняя продуктивность деривационных аффиксов - около 90 слов, образованных с помощью каждого из них;
- средняя длина русских префикса и суффикса 3+1 фонемы (или буквы), а количество слогов - один;
- аффиксы основы в целом избегают оморфнии;
- значительное число аффиксов основы обладает большой частотностью; так, аффиксы даже первых 89 рангов дают покрытие любого нового русского текста приблизительно на 88%;
- для 75% наиболее частотных суффиксов и 93% самых частотных префиксов наблюдается большая согласованность между продуктивностью и употребительностью морфов.

Вместе с тем в инвентаре аффиксов есть морфы, отклоняющиеся от указанных характеристик. Они составят периферийные группы префиксов и суффиксов, объединенные тем или иным признаком (одним или несколькими, но никогда не всеми сразу).

По признаку длины, исчисляемой в фонемах или буквах (что дает различные результаты, учтенные в работе), основная масса

префиксов относится к двух- или трехфонемным (буквенным) морфемам, как и большинство суффиксов. Зная среднюю длину (в терминах графем) русских морфем при учете также средней длины окончания (для префиксов и суффиксов - 3+1 буква, для корня - 4+1), а также глубину словарного слова, можно вычислить новым путем среднюю длину русского слова, о которой ведутся частые споры. Полученные результаты близки результатам Т.В.Корсаковой, И.И.Меньшикова, В.И.Мордань, В.И.Ткачук; Н.Д.Андреева; Л.Н.Засориной.

подавляющее большинство аффиксов обоих видов (префиксов и суффиксов - 66% и 68% соответственно) содержит один слог.

Периферийные области префиксов составляют единичные однобуквенные (однофонемные) и пятибуквенные (пятифонемные) префиксы. С точки зрения слоговой структуры к периферии необходимо отнести префиксы, не образующие слога (вз-, во-), в отличие от двубуквенных (двуфонемных) односложных.

Периферийная область суффиксов по параметру длины в терминах букв или фонем включает 7% морфем, состоящих из одной фонемы, как слогообразующей, так и консонантной: -а, -и, -о, -б, -в, -г, -к и др. (однобуквенных суффиксов несколько больше за счет суффиксов -я, -е, -ю, -н). По признаку количества слогов вокалические суффиксы попадут в центр, а консонантные, не образующие слога, по обоим признакам будут периферийными. К группе периферийных суффиксов принадлежат также пяти- и шестизаэлементные морфемы, обычно представляющие собой морфемные блоки, например: -тельств, -ительн, -овщик и др. (около 7% от всех суффиксов). Многосложные суффиксы (по три слога) относятся к периферии, тогда как двусложные и четырехэлементные суффиксы образуют переходную зону между центром и периферией.

Выделение периферийных зон по признаку наличия/отсутствия

у того или иного аффикса оморфных отношений с разного вида морфемами вызывает большие трудности в силу неразработанности критерия отнесения аффикса к омонимичному или полисемантическому. Особенно остро стоит проблема суффиксальной оморфии. В соответствующем разделе четвертой главы для выявления аффиксальной оморфии используются (помимо несколько расплывчатого общепринятого критерия разных значений) критерий частеречности, критерий чередований в суффиксах, который действует далеко не всегда, и критерий происхождения аффикса.

В случаях, когда суффиксы (например, -тель в словах учитель и выключатель) имеют разные значения, но не имеют никаких чередующихся с ними различных алломорфов, целесообразно считать их полисемантическими, а не оморфными суффиксами. В случаях, когда имеются различные чередования алломорфов и (или) четко выраженная разная представленность суффиксов в различных частях речи, следует рассматривать суффиксы как оморфные. На весь массив суффиксов (более 570) приходится около 4% суффиксов, бесспорно находящихся в отношении оморфии между собой, как в следующих примерах: -ат₁ (старост-ат), -ат₂ (зуб-ат-ий) и -ат₃, чередующийся с -от (обраб-ат-ывать/обраб-от-ать); -ист₁ (за-ноз-ист-ий) и -ист₂ (служ-ист) (дополнительно к частеречному и альтернативному учитывается также критерий происхождения аффикса - исконный он или иноязычный).

Если оморфия среди суффиксов составляет всего 4%, то межклассная оморфия, то есть оморфия суффиксов с корнями и префиксами, охватывает около 20% всех суффиксов по отношению ко всему запасу суффиксов или - шире - аффиксов и выходит за рамки периферии. Правда, по отношению к инвентарю всех морфем в языке (к 5 тыс. единиц) оморфные суффиксы составляют лишь 2%, а префиксы - 0,6%.

Способность/неспособность производить новые слова, иначе - активность аффиксов, некоторые лингвисты (Е.А.Земская) считают основным свойством аффиксальных морфем, параметром, характеризующим "жизнь морфем в языке", их функционирование. По этому признаку также можно выделять центральные и периферийные аффиксы.

Активность суффиксов различна в зависимости от сферы применения языка и от значения данного суффикса (если у суффикса несколько значений, то суффикс может оказаться активным лишь в каком-либо одном значении). Малопродуктивные аффиксы, характеризующиеся низкой активностью, а также аффиксы, остающиеся в слове после извлечения из него корня, но не образующие вообще никаких новых слов по образцу существующих моделей, следует выделить в особую периферийную группу аномальных (единичных, редких) аффиксов. Под названием редких аффиксов скрываются разные явления.

Особенно интересными можно считать одиночные аффиксы, оставшиеся в слове после выделения корня и регулярных суффиксов и префиксов, которые когда-то выполняли функцию формантов (-евел, -елин, -лан, -мөнн, -утк, -харь... - всего 0,1% на 57 тыс.слов). Подобные единичные аффиксы являются своеобразным сигналом того, что когда-то в данном слове существовала определенная модель, утраченная современным языком, которую можно пытаться искать либо в истории языка, либо в современных диалектах.

Реликты ныне исчезнувших моделей словообразования можно наблюдать в структуре русского слова и среди префиксов: обн-/оби-, преди-, з-.

Среди редких элементов аффиксального типа в основе слова встречаются остаточные морфы, никогда в русском языке не функционировавшие в качестве форманта, как например, в заимствованных

словах почт-амт, почт-альон, арго-т-изм, византи-и-ист, травм-ат-ич-еск-ий и др. В одних случаях это остатки финаля в основах дающего языка, в других - суффиксы языка-донора.

Единичные, редкие аффиксы в русских словах, никогда не выполнявшие функций форманта, могут быть также по происхождению застывшими флексиями, превратившимися теперь в суффиксы наречий (влопых-ах, вслеп-ую, вперв-не, второп-их...), или даже самостоятельными словами (три-жды, одна-жды...).

Редкие суффиксы почти всех перечисленных разновидностей приобрели в языке лишь структурное значение, выполнив определенную функцию и свидетельствуя об асимметрии между планом выражения и планом содержания, не столь уж редкой в языке.

Такая же картина наблюдается и в префиксальном запасе русского языка, хотя среди префиксов значительно меньше элементов, выделяемых в слове, но не участвующих в образовании слов (ку-, ко-, з-, н-, че-, чи-, преди- и др.: кумекать, закоулок, позволить, разнузданный, чехвалиться, отчихвостить, предисловие...).

Наконец, в заключительном разделе четвертой главы говорится об аффиксоидах (полуаффиксах), занимающих промежуточную позицию между периферией и центром.

Последняя, У г л а в а работы содержит анализ периферийных явлений в тексте. Известно, что выборка единиц, подлежащих анализу, репрезентативная не только тогда, когда она объемна, но и тогда, когда она базируется на результатах обследования материала в двух планах - словарном и текстологическом. Сравнение морфемной и формообразовательной (словоизменительной) структур фактически есть сравнение структур слова и составляющих его морфем в тексте и словаре (в системе). Исходные формы слов, фиксируемые в словаре и вместе с тем встречающиеся все и в текс-

те (исключения редки), обладают, естественно, одной и той же морфемной структурой; остальные (парадигматические) словоформы, встречающиеся только в тексте, не приводимые в словаре, нередко отличаются по своим морфемным структурам и входящим в состав слова морфем от словарных словоформ.

В пятой главе, с одной стороны, сравнивается инвентарь морфем, реализующихся в словаре и тексте, с другой стороны, сопоставляются морфемные структуры словарных словоформ и текстовых форм слова. В тексте могут встретиться такие структуры, такие особенности морфемного состава слова, такие корни и аффиксы, которых нет в словаре, особенно в системе литературного языка. Выявление этих достаточно редких (периферийных) специфических черт текста может пригодиться при машинной обработке текста.

Так, в тексте наблюдается осцилляция глубины глаголов (в том числе и периферийных по признаку глубины слова) — глубина слова увеличивается в одних формах глаголов и уменьшается, что случается статистически реже, в других. Количество случаев омографных совпадений окончаний с другими видами морфем в тексте также значительно увеличивается. Средняя длина слова в тексте меньше, чем в словаре, по данным многих исследователей. Уменьшение средней длины слова в тексте по сравнению со средней длиной слова в словаре происходит за счет первой тысячи самых частотных слов русского языка. В качестве релевантного признака морфем в тексте в отличие от словаря можно признать длину окончания, которое в тексте постоянно изменяется от минимальной длины в одну фонему до длины в три фонемы (без возможного учета в качестве части окончания морфема -ся).

Запас морфем словаря и текста в основном совпадает. Исключением является лишь запас флексий, которых значительно меньше

в словарных формах, чем в тексте. Корневые и суффиксальные алломорфы в тексте отличаются от алломорфов в словаре: морфемы в тексте состоят из большего числа алломорфов, поскольку в тексте реализуются не только все словарные формы, но и формы словоизменения. В общей сложности 3,6% корней от числа рассмотренных имеют в тексте такие алломорфы, которых не встречается в словаре. Повышенное содержание новых алломорфов в тексте по сравнению со словарем наблюдается за счет форм спряжения (при образовании форм прошедшего времени, 1 и 3 л. ед.ч. настоящего времени и форм повелительного наклонения) и форм склонения (особенно много за счет форм род.п. мн.ч. и кратких форм прилагательных). Корневые морфемы, специфичные для текста, появляются за счет уменьшительных, увеличительных, оценочных образований, а также в качестве устаревших форм в пословицах и фразеологизмах, типа "темна вода во облацех" (-облац-), "притча во языцех" (-языц-), "с холоду ежится, с голоду ичется" (-ич-), "вот те раз!" (вместо -теб- возникает корень -те-) и т.п.

При склонении нередко изменяется и суффикс, в связи с чем в тексте иногда появляются новые алломорфы, не встречающиеся в словарных формах: -ынок (косынок) при наличии в исходной форме суффиксов -ник/-нич (косника, косничка); -урок (дочурок, печурок) при наличии в словарной форме суффиксов -урк/-уроч (дочурка, дочурочка) и т.д. Интересно, что алломорфы корней, встречающиеся в литературной подсистеме языка только в текстовых формах слова (например, -друз- в слове друзей), в диалектах обнаруживаются и в словарных формах (так, в говорах есть слова друзяка).

Практически почти все "текстовые" корни литературного языка оказываются исходными, словарными формами в диалектах и просторечии.

В **З а к л ю ч е н и и** суммированы основные положения диссертации.

Идея сферического устройства языка, когда система языка представлена в виде сферы, ядро которой окружено периферическими словами, была высказана в свое время Л.В.Щербой и В.В.Виноградовым. Позднее она была дополнена представлением о системе языка, состоящей из ряда пересекающихся кругов, в каждом из которых есть свои центральные и периферийные области и множество промежуточных, переходных, но нет единого центра для языка в целом.

В настоящей работе идея структурирования языка на центр и периферию пересмотрена с точки зрения многомерного признакового (параметрического) подхода к описанию языка, при котором много объектов рассматривается с помощью многих признаков, причем, чем больше признаков, тем полнее может быть описана та или иная система или подсистема языка. Подобный подход не оставляет никаких надежд на "единую, универсальную, оптимальную или единственно правильную классификацию" языковых фактов на центральные и периферийные. На месте одного понятия (центр - периферия), с жесткими границами и простой делимостью, оказывается система взаимосвязанных понятий, позволяющая дать разностороннее описание сложного, многомерного явления в разных аспектах его функционирования.

По каждому признаку, релевантному для поставленной задачи, можно установить центральные и периферийные явления (однопризнаковое периферийное пространство). При этом невозможно изучать периферийные явления без всякого соотнесения их с явлениями центра; в результате сквозь призму подробно рассмотренных в работе периферийных явлений оказались по-новому увиденные многие и центральные явления русской морфемки.

В работе исследовано более 20 периферийных явлений, имеющих место в структуре слова и в инвентаре морфем. Количество периферийных явлений соответствует количеству признаков, релевантных для процедуры обнаружения периферии. Отдельные признаки, видимо, пригодны только для анализа русских морфем и структур слов; большинство же параметров может быть использовано при анализе морфемки и других флективных языков, а некоторые даже - для анализа агглютинативных и корневых языков.

Анализ многих периферийных явлений показал, что в области морфемки, как и в других языковых сферах, действует закон экономии языковых усилий, который проявляется, в частности, в наличии в структуре слов рекуррентных аффиксов (словообразовательных кругов), случаев аффиксальных метатез, в существовании морфемных блоков, выполняющих роль связующих звеньев между морфемкой и словообразованием. При этом экономия в плане выражения обычно вызывает избыточность в плане содержания и наоборот.

Периферийные явления в языке оттеняют, подчеркивают особенности, закономерности центра и - одновременно - хранят в себе много тайн прошлого развития языка и зародыши будущих изменений, благодаря чему представляют непреходящий интерес для исследователя.

Акцентирование внимания на разного рода раритетах морфемки позволило продемонстрировать во всей полноте неоднородный характер инвентаря морфем, наметить новые возможные пути для осуществления классификаций морфем с учетом нескольких различных параметров.

Достаточно полные сведения, накопленные современной лингвистикой, об инвентаре морфем, исследованном с различных точек зрения и содержащем в своем составе весьма разнородные единицы,

а также знания о внутрисловных структурах слова и некоторых закономерностях морфного строения слова вплотную подводят современную морфемистику к проблеме создания общей теории морфемы - единицы, справедливо претендующей на положение основной единицы языка. Настоящая работа - теоретический и практический вклад в разработку данной проблемы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Существуют ли в русском языке корневые морфемы, специфичные только для имени или для глагола? // Язык и человек. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. - С. 157-163.
2. Рец. на книгу: Wolkonsky S., Poltoratzky M. Handbook of Russian Roots. - New York, 1961. - XXXI+414 p.p. // ВЯ. - 1964. - №7. - С. 139-141.
3. Роль семантического фактора при морфологическом членении слов русского языка и составлении словаря морфем. // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. - Пермь. 1972. - С. 254-258.
4. Словообразовательный круг в русском языке. // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. - С. 145-151.
5. Рец. на книгу: Gribble Ch. E. Russian Root List. With a Sketch of Word Formation. - Cambridge, 1973. - 62 p.p. // Филологические науки. - М., 1975. - №1. - С. 107-108.
6. Периферийные явления в морфологии русского языка. I. Слова-одиночки. II. Корневые слова. // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1977, - С. 210-223.

7. Рец. на книгу: Бардович А.М., Шакун Л.М. Морфемны слоўнік беларускай мовы. - Мінск, 1975. - 784 с. // Беларуская лінгвістыка. - 1978. - Вып. 13. - С. 76-77 (на бел.яз.).
8. Периферийные явления в морфологии русского языка. III. Поликорневые сложные слова. IV. Бессуффиксные слова. // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. - С. 128-141.
9. Соотношение центра и периферии в области морфемистики русского языка. // Тезисы докл. конф. Проблемы дериватологии. - Пермь, 1981, - Вып. II. - С. 153-156
10. Количественные критерии выделения центра и периферии при многомерном признаковом подходе к описанию языка. // Съеставително езиковзнание. - 1985. - Кн.6. - С.16-25.
11. Принципы морфемного анализа и построение словаря морфем. // Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. - М.: Изд-во Русский язык, 1986. - С. 3-19.
12. Словарь морфем русского языка. - М.: Изд-во Русский язык, 1986. - 1136 с. (в соавторстве с Т.Ф.Ефремовой)
13. Глубина слова как фактор, регулирующий процессы образования новых слов (на материале русского языка). // Деривация и семантика: слово - предложение - текст. - Пермь, 1986. - С.43-50.
14. Морфемные блоки и их роль в морфемной и словообразовательной структуре русского слова. // Морфемика. Принципы и методы системного описания. - Л., 1987. - С. 97-106.
15. О существовании корреляции между продуктивностью и употребительностью аффиксов в русском языке. // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. - С. 83-99 (в соавторстве с О.А.Лавреновой).

- 16) Морфемная глубина слова в русском языке (слова малой и большой глубины. Как периферийное явление русского языка). // Проблемы структурной лингвистики. 1984. - М.: Наука, 1988. - 1 п.л.
- 17) Реликты исчезнувших словообразовательных моделей в морфемной структуре русского языка. // Деривация и история языка. - Пермь, 1987. - С. 37-47.
- 18) Особенности морфем и морфемной структуры слова в тексте (сравнительно с морфемами и морфемной организацией слова в словаре) (0,5 п.л., в печати). // Прикладные аспекты лингвистики - М.: МГУ, 1989. - С. 103-117.
- 19) Словообразование и лексикография (0,5 п.л., в печати)
- 20) Информативные возможности словарей морфем (0,75 п.л., в печати). // Дериватография и деривационная лексикография. - Владивосток, 1989. - С. 147-159.
- 21) Проблема декодирования слова на основе префиксальных биморфем // Морфемология и морфемология. - Владивосток, 1993. - С. 55-66.
- 22) Взаимосвязь экономики и избыточности в языке // Морфемика. Принципы сегментации, отождествления и классификации морфологических единиц. - СПб., 1997. - С. 88-95.
- 23) Рец. на кн.: Jelicke, Herbert. Die abstrakten Nominalbildungen im Russischen: ein Beitrag zur altrussischen Wortbildung und Wortforschung. Teil 1-2. Frankfurt a. M., 1981 u. 1982. // Kritikon Literatur 20 (1993). Slavjanska Filologija. S. 135-142.

Подписано к печати 29.08.88
 Объем 2,5 п.л. Печать офсетная
 Тираж 100 экз. Зак. 302

Ордена Трудового Красного Знамени
 издательство "Наука"
 Главная редакция восточной литературы
 103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
 3-я типография издательства "Наука"
 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28